

## Соотношение насилия и ненасилия

В.И. ЛУКОВСКИЙ

Два вида насилия – физическое и психическое – взаимодействуют в нанесении ущерба свободе. Психическое насилие ограничивает внутреннюю свободу, следствием чего становится и ограничение внешней. Физическое насилие, нанося урон внешней свободе, прямо или косвенно ограничивает и внутреннюю. В рассуждении о ненасилии важно иметь в виду, что речь идет не просто об этическом принципе, но о практическом принципе. Ценностная логика ненасилия не может быть выявлена в теоретическом дискурсе. Однако специфика ненасилия как социальной техники может быть понята только на материале действительного социально-политического опыта.

**Ключевые слова:** конфликт, концепция ненасилия, насилие, ненасильственное поведение, этический принцип.

Two types of violence, physical and mental, interact in causing prejudice to freedom. Psychological violence restricts the inner freedom, the result of which is in restrictions of the external freedom. Physical violence causing damage to the external freedom, directly or indirectly limits the internal freedom. In the argument about non-violence it is important to keep in mind that this is not just about the ethical principle but about the practical one. The value logic of non-violence may not be identified in the theoretical discourse. However, the specifics of non-violence as a social technique can be understood only on the material of the actual socio-political experience.

**Keywords:** conflict, concept of non-violence, violence, non-violence behaviour, ethical principle.

Возможность возникновения конфликта существует во всех сферах жизни общества. Конфликты рождаются на почве ежедневных расхождений во взглядах, разногласий и противоборства разных мнений, побуждений, желаний, стилей жизни, надежд, интересов, личностных особенностей. Известный философ и социолог Макс Вебер был убежден, что социальный конфликт вездесущ и каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом.

Степень интереса к исследованию конфликта значительно менялась – от признания важности и позитивной ценности конфликта в конце XIX – начале XX вв. (Г. Зиммель) до минимального внимания к нему со стороны социальных аналитиков. В настоящее время существует специальная дисциплина – конфликтология.

Вместе с тем, изучение конфликтов носит не только теоретический, но и сугубо прикладной характер. Например, при решении вполне конкретных ситуаций, в которых наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. Именно поэтому следует не только рассматривать конфликт как результат или процесс, но и прогнозировать способы решения тех или иных спорных вопросов. При этом необходимо делать выбор или в пользу силовых методов, или отказа от насилия.

Не лишены разумных оснований утверждения о том, что насилие есть «естественная» человеческая реакция на внушение угрозы или страха или что люди обладают «природной» способностью делать зло. Сторонники ненасилия полагают, что как в случае преследования такой базовой цели, как самосохранение, так и в случае такой возвышенной, как мир на земле, принципы и методы ненасилия являются более эффективными для достижения краткосрочных и долгосрочных целей, чем применение насилия и его последствия.

Слово «насилие» созвучно и родственно слову «сила». Насилие означает в буквальном смысле применение силы, насильничанье. Аналог этого слова в романских языках («violence», «violenza») восходит к латинскому «violentia», родственному «violatio». Последнее означает нарушение, попрание, несправедливое и понудительное воздействие на человека, в том числе с применением силы. Такое содержание понятия есть и в русском языке. Об этом свидетельствует В. Даль: «Насилие и насильство – принуждение, неволя, силование; действие стеснительное, обидное, незаконное, своевольное» [1].

Гегель рассматривал международное право как простую условность. Он считал, что только война является окончательным арбитром в международных спорах. Базируясь на современной ему культурной европейской и научной парадигме, О. фон Бисмарк произнес свою знаменитую фразу: «Не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы времени, а железом и кровью». Ф. Энгельс утверждал, что без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается. И, наконец, М. Вебер, подводя итог развитию европейской мысли, объявил, что государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства над людьми, опирающееся на легитимное насилие как средство. Право на насилие, по его мысли, – отличительная и основная черта государства [2, с. 336].

В понимании феномена насилия есть два крайних подхода – широкий (абсолютистский) и узкий (прагматический), каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

В широком смысле под насилием понимается подавление человека во всех его разновидностях и формах – не только прямое, но и косвенное, не только физическое, но и экономическое, политическое, психологическое и всякое иное. При этом подавлением считается любое ограничение условий личностного развития, причина которого заключена в других людях или общественных институтах. В узком смысле насилие обычно сводится к физическому и экономическому ущербу, который люди наносят друг другу, оно понимается как телесные повреждения, убийства, ограбления, поджоги и т. п.

Насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. Основания, в силу которых одна воля господствует, властвует над другой, подменяет ее, принимает за нее решения, могут быть разными: а) некое реальное превосходство в состоянии воли: патерналистская власть, власть отца; б) предварительный взаимный договор: власть закона и законных правителей; в) насилие как власть оккупанта, завоевателя, насильника.

Насилие принимает множество форм и по-разному понимается в разных странах и культурах. И несмотря на то, что не существует общепринятого определения насилия, Всемирной Организацией Здравоохранения было предложено следующее рабочее определение: «Насилие есть намеренное применение физической силы, фактически или в качестве угрозы, против себя самого, другого лица или против группы или сообщества, которое либо имеет следствием, либо вероятнее всего имеет следствием травму, смерть, психологический урон, порок развития или потерю» [3].

В юридической сфере существует более двадцати определений насилия. Итоговое криминалистическое определение выглядит следующим образом: «Насилие – это особый вид воздействия, оказываемый человеком, животным или иным живым существом по отношению к иному человеку, живому существу или предмету материального мира с целью самовольно, умышленно, противоправным путем, самостоятельно или при помощи третьих лиц, а также предметов, технических средств или веществ нанести ему объективно выраженный ущерб физического или психологического характера или принудить его к совершению определенного действия» [4, с. 33].

В защиту позиции силовых методов решения различных конфликтов отметим, что не всякое применение силы представляет собой зло. Так, действенность системы права в самом что ни на есть демократичном и правовом государстве основано на институциональном принуждении и нередко силовом ограничении действий, представляющих опасность для граждан, общества и государства. Если принять, что насилие – это любое использование принуждения в отношении к людям, то легко придти к анархическому отрицанию институтов власти (государственной и гражданской) и правомочности действий, направленных на борьбу с преступностью, мировым терроризмом.

Идея ненасилия берет свое начало в древневосточных религиозных культурах (буддизм, индуизм, конфуцианство). Конфуций, например, учит, что альтернативой насилию, в случае ценностных конфликтов, будет ценностно-образцовое, «примерное» поведение благородного мужа. В «Лунь Юй» говорится: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к принципам?». Кун-цзы ответил: «Зачем, управляя государством, уби-

вать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа подобна ветру. Мораль низкого человека подобна траве. Трава склоняется туда, куда дует ветер». В том же духе дает наставления идущему по пути добродетели буддийская «Дхаммапада»: «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Да победит он гнев отсутствием гнева, недоброе – добрым, да победит он скупость щедростью, правдой – лжеца» [5, с. 73].

Со временем идея ненасилия проникает в христианское вероучение, однако трактуется иначе. Безусловно, христианство основано на любви к ближнему и даже врагу своему, но вместе с тем считалось, что не будет греха в том, если любовь эту ты защищаешь с оружием в руках. А при обращении в веру вообще «все средства были хороши», т. е. буквально «огнем и мечом».

Дальнейший раскол христианства приводит к тяжелым последствиям. Убить схизматика (православного), говорили католические епископы, «не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием» [6, с. 52].

Зародившись в религиозной среде, понятие ненасилия, со временем, переходит в светское общество и чаще рассматривается как идея утопическая. Однако вера в то, что ненасилие – это не миф, а возможная реальность, существовала всегда. Известный просветитель-гуманист Франциск Скорина важнейшей добродетелью человека считал любовь, после которой в его иерархии моральных ценностей стоит вера. Человеколюбие он рассматривал как высший принцип взаимоотношений между людьми, как универсальный закон частной и общественной жизни. Принцип любви мыслитель распространял «ко всякому человеку» независимо от его положения в обществе [7, с. 107].

Немало выдающихся людей различных эпох выступали в поддержку ненасильственных методов.

Иммануил Кант считал, что следует поступать так, чтобы всегда относиться к человечеству в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относиться к нему только как к средству [8, с. 270].

Великие русские писатели Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский понимали необходимость идей ненасилия. В частности, Федор Михайлович был убежден в том, что нет в жизни и не может быть такой цели, ради достижения которой потребуется жертва хотя бы в одну человеческую жизнь, одну каплю крови, одну детскую слезу. Оба писателя много сделали для того, чтобы данные идеи стали доступны миллионам людей.

Промежуточное положение между двумя крайностями – насилием и ненасилием – занимают идеи о допустимом «насилии во благо». К представителям данных взглядов можно отнести В.С. Соловьева и И.А. Ильина. Оба указывали на то, что ситуативно-конкретная задача сохранения жизни, безопасности и благополучия людей и в правовом, и в моральном плане может допускать принуждение – как физическое, так и психическое.

Ильин полагал, что война есть несомненное зло – при осознании того, что порой неучастие в нем ведет к торжеству зла куда большего. Не принимая инквизицию и теократию, он признавал насилие во имя добра. Ведь ни русская философия, ни тем более литература, ни отечественный исторический опыт не давали однозначного ответа на вопрос о духовной допустимости и необходимости для православного человека сопротивления злу посредством физического принуждения и пресечения. Именно Иван Ильин вернул социально-этической теме религиозное измерение: он считал, что непротивление злу означает принятие зла – «допущение его в себя и предоставление ему свободы, объема и власти», несопротивляющийся «сам разламывает стены своего духовного кремля; сам принимает тот яд, от действия которого размягчаются кости в организме». Отказ от борьбы со злом есть добровольная сдача в плен Антихристу [9, с. 94].

Таким образом, насилие считается оправданным как противонасилие. Однако этот аргумент не совсем состоятелен, поскольку существует еще один тип поведения – это активное ненасильственное сопротивление, преодоление ситуации несправедливости ненасильственными методами. Этот тип поведения является морально оправданным. Принципы ненасильственного поведения представляют собой такие положения: а) отказ от монополии на истину,

готовность к изменениям, диалогу и компромиссу; б) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента; в) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью; г) борьба со злом, но любовь к людям, стоящим за ним; д) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей [3].

Идеи ненасилия, непротивления злу насилием находили много сторонников и в XX столетии. Для М. Ганди (1869–1948) идея ненасилия – не только этическое учение, но и ориентир общественно-политического движения. И хотя он писал: «я настаиваю на ненасилии не по высшим основаниям морали, а по более низким основаниям целесообразности», тем не менее, опирался на высокую традицию ненасилия, существующую в индийской культуре [10, с. 42].

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) разработал практическую сторону идеологии ненасилия, считая, что она должна сочетать «твердый дух и нежное сердце».

Понимание ненасилия как морального принципа нередко наталкивается на скепсис. Те, кто привык к мысли о конструктивной роли насилия в истории, указывают на то, что насилие не соответствует реалиям общества, сотканного из частных и конкурирующих интересов, в котором государство держится на силе. А идея ненасилия рассматривается как форма политического утопизма. Но что значит не иметь никакой возвышающей утопии? Без нее человеческое существование просто невозможно. Оно лишено смысла. Тогда вообще непонятно, почему мы разумные существа.

Известный российский исследователь А.А. Гусейнов говорит: «Я не мечтатель-идеалист и не полагаю, что насилие можно устранить из человеческой природы таким образом, чтобы там не пробуждались агрессивные намерения. Я также не утверждаю, что насилие возможно полностью устранить даже из такой сферы, как семейные отношения. Либо же из сферы экономических отношений. Но, на мой взгляд, существует и должна находить общественную поддержку та сфера человеческой жизни, то разумно обосновываемое и морально санкционируемое публичное пространство, в котором не должно быть места насилию» [11].

К сожалению, выводы, которые напрашиваются исходя из реального положения вещей, не внушают оптимизма. Насилие было, есть и будет одним из основных аргументов решения геополитических проблем, «последним доводом короля». Не в последнюю очередь это объясняется политико-философскими традициями оправдания насилия, если за ним стоят «благие цели», естественно, с точки зрения тех, кто их провозглашает.

Оценивая различные философско-исторические, религиозные и иные подходы к феномену ненасилия, приходим к выводу, что перед вызовом современной истории у человечества нет другой перспективной, духовно возвышающей цели, способной объединить представителей всех народов, стран, культур и религий, кроме идеи ненасилия.

Возможно, еще разумнее было бы не абсолютизировать ни одну из идей. Ведь как считал Сократ, истина находится в каждом из нас, как плод в чреве матери, и цель наставника, как и цель акушера – помочь человеку «разродиться» идеями. Вопрос только в том, кто выступит в роли наставника для человечества – горький исторический опыт или осознание того, что ненасилие – единственно возможный сценарий будущего. Ненасилие несет в себе зачатки новой истории, оно способно направить людей по иному пути.

## Литература

1. Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этнические очерки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://biblionmd.tripod.com/civ/02.1>. – Дата доступа : 30.01.2012.
2. Лукьянович, Н. Насилие в современной геополитике: истоки, причины, тенденции / Н. Лукьянович // Безопасность Евразии. – 2003. – № 2.
3. Насилие над детьми. Центр социальной помощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rosinka.net/nasilie-nad-detmi>. – Дата доступа : 30.01.2012.

4. Зрелов, А.П. Особенности современного толкования насилия / А.П. Зрелов // Право и политика. – 2003. – № 7.
5. Цит. по: Рахманкулова, Н.Ф. Духовное общение, свобода и ненасилие / Н.Ф. Рахманкулова // Вестник Московского университета. – Серия 7. – 2004. – № 5.
6. Де Клари, Р. Завоевание Константинополя / Р. Де Клари. – М., 1986.
7. Калмыков, В.Н. Эволюция смыслов. Духовное наследие Ф. Скорины и современность / В.Н. Калмыков // Беларуская думка. – 2009. – № 1.
8. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – Т. 4. – Ч. 1. – М., 1965.
9. Окара, А. И. Ильин: жизнь как сопротивление злу / А. Окара // Невтон. – 2001. – № 1.
10. Капустин, Б.Г. Критика политического морализма / Б.Г. Капустин // Вопросы философии. – 2001. – № 2.
11. Гусейнов, А.А. Идея ненасилия – утопия современности / А.А. Гусейнов // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ г. Пермь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.guseinov.ru/publ/outop.html>. – Дата доступа : 30.01.2012.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12